

ВЛАДИМИР ПУХОВЦЕВ

Хозяева Горы

Владимир Пуховцев

Хозяева Горы

«Издательские решения»

Пуховцев В.

Хозяева Горы / В. Пуховцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900882-4

О самоорганизовавшейся команде беспризорников, зарабатывающих на жизнь добычей металлолома на шлаковой горе металлургического комбината. Роман вошёл в шорт-лист литконкурса «Евроформат-2008».

ISBN 978-5-44-900882-4

© Пуховцев В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хозяева Горы

Владимир Пуховцев

© Владимир Пуховцев, 2017

ISBN 978-5-4490-0882-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Автор считает необходимым отметить, что сюжет романа целиком и полностью основан на авторской фантазии и заранее отмечает любые попытки привязать описанные в романе, вымышленные им события или детали, к какому-нибудь конкретному городу даже фрагментарно. Все без исключения действующие персонажи также вымышлены и не имеют реальных прототипов. Любые совпадения случайны.

Дабы избавить читателя от необходимости самому вычислять время, в которое якобы происходят описанные в романе события, сообщаю – 1998 год.

Бдителям общественной морали, безусловно, не понравится наличие ненормативной лексики в романе. Таковым автор советует посетить на перемене любую не элитную школу или ПТУ в любом провинциальном «рабочем» городе, и послушать, как общаются между собой современные подростки и дети, но при этом рекомендует заранее запастись каким-нибудь сильнодействующим нюхательным средством и валидолом.

Автор уверен, что после этого бдители неизбежно придут к выводу, что язык беспризорников этого романа вполне можно считать исполненным в достаточно мягкой манере вариантом общения между собой существенной части подросткового населения стран, ранее входивших в состав СССР.

Слушать настоящий разговор настоящих беспризорников автор бдителям настоятельно не рекомендует, так как опасается за их психическое и физическое здоровье.

То, что в романе команда беспризорников, неоднократно совершая противоправные поступки остаётся безнаказанной, не есть пропаганда анти социального поведения, а всего лишь дань тому, что голливудские сценаристы называют «хэппи энд».

Автору представляется бесспорным вывод главного героя романа о том, что «только соприкоснувшись с нами непосредственно, и своими глазами увидев, *как мы живём*, люди понимают на уровне подсознания, что *они виноваты перед нами* как представители социума, и начинают помогать. До этого мы для них *не существуем!*».

Основная цель, которую автор сам ставил перед собой – на основе развития сюжета в стиле «золушка» «соприкоснуть» внимание читателя с проблемой беспризорности, и инициировать в нём вопрос к самому себе: «Может и я смогу чем-нибудь помочь?»

«Хэппи энд», подобный описанному в романе, в реальной жизни не случается и судьба беспризорных детей, как правило, ужасна. Вряд ли кто-то осмелится оппонировать автору в том, что сегодня наше общество в целом, в лучшем случае, равнодушно к проблеме беспризорности и отделяется от неё вялыми эпизодическими кампаниями. Такое отношение характерно не только для постсоветских стран, но и для многих других стран мира.

И пока такое положение существует, никто из ныне живущих на нашей планете, не вправе считать себя по-настоящему цивилизованным ЧЕЛОВЕКОМ, ибо ничто так явно не определяет степень цивилизованности общества, как отношение к будущему каждой страны и в целом планеты – к детям!

Глава 1

Обычно многолюдный центральный рынок небольшого провинциального «металлургического» города на юго-востоке Украины в понедельник пустынен – выходной день. Работают лишь забегаловки, гордо именующие себя кафе или барами, наиболее самоотверженные мелкие предприниматели, бабушки-пенсионерки, приторговывающие сигаретами и водкой без всяких лицензий. Уборщики территории деловито пакуют картонные ящики и коробки в макулатуру, полиэтиленовую упаковку на переработку, выметают окурки из-под прилавков, поднимая при этом тучи пыли. И над всем этим относительным рыночным затишьем царит полуденный зной необычайно тёплой первой декады апреля.

Мимо кучки небритых смуглых кавказцев, расположившихся на обед у машины с луком, потеряно брёл мальчишка-подросток лет четырнадцати. Довольно высокого роста, одет он был неброско, но аккуратно – джинсы, джинсовая куртка, футболка, кроссовки. Несмотря на некоторую скованность движений, очевидно обусловленную мыслями о каких-то личных проблемах, в стройной мальчишеской фигуре угадывалась пластика и собранность спортсмена.

Мальчишку звали Саша и у него действительно были проблемы.

Думая о чём-то своём, он не заметил, как толкнул намеренно подставившего своё плечо мальчишку-ровесника, который с двумя товарищами слонялся по рынку в поисках приключений.

– Ну, ты, блин, даёшь, – по блатному растягивая слова, изобразил своё возмущение «несправедливо обиженный».

– Ты гля, как эти культурные оборзели. Людям просто проходу не дают, – дурашливо филярничая, воскликнул второй, делая ударение на «я» в слове «людям».

Третий, самый рослый, юношеским басом, якобы успокаивая товарищей, сказал:

– Вы чё, в натуре, пацаны? Тип осознал и за моральный ущерб выставит бутылку и закупсон.

Нисколько не изменившись внешне, внутренне Саша преобразился. Проблемы сразу отступили на второй план, и услужливая память извлекла из своих тайников отцовское наставление: «Если видишь, что драки не избежать – бей первым, причем того, кто кажется тебе лидером».

«Басовитый» и самый рослый после удара ногой в мошонку согнулся и как подкошенный рухнул на колени. Мгновенно развернувшись, Саша ударил кулаком в кадык противника культурных, и тот, задыхаясь, привалился к прилавку. «Несправедливо обиженный» уже успел вытащить нож, и ошарашено хрипел:

– Порежу, бля, порежу.

Защиту от удара ножом они с отцом отрабатывали много раз. Неоднократно показывал нужные приёмы и тренер в секции каратэ. Но сейчас это была реальная драка, где нет никаких правил и ошибка могла стоить жизни.

«Попытайся отвлечь соперника», – учил отец. И Саша, схватив с земли коробку из-под обуви, бросил ею в противника. В это время его кто-то сильно ударил сзади по шее, а затем под колени...

Очнулся он оттого, что кто-то вылил на голову воду. Превозмогая страшную боль в шее, Саша заставил себя осмотреться. Казенный вид помещения и присущие даже выходному рынку звуки, доносившиеся извне, свидетельствовали в пользу того, что это была комната милиции рынка. Неподальёку от Саши не в лучшем виде сидела троица его противников.

Здоровенный толстомордый милиционер в капитанских погонах брезгливо осмотрел всех и сказал:

– Ну что, байстрюки, колитесь, зачем друг друга порезать хотели?

– Парнишка не виноват! Он только защищался от этих троих. А у этого был еще нож, – затараторила толстая тётка, показывая пальцем на одного из мальчишек. – А ещё...

– Ладно, женщина, идите, торгуйте, потом подпишите протокол, – резко прервал её капитан.

– Ну, козляра, говори, что не поделили? Выручку от спиз... ного кошелька? – капитан злобно смотрел Саше прямо в глаза.

В этот момент в комнату стремительно вошёл одетый в гражданскую одежду, круглый как шар, низкого роста человек. Капитан обернулся на шум открываемой двери и, очевидно, собрался гаркнуть на того, кто вошёл, но вдруг вытянулся по стойке смирно и так и остался стоять с приоткрытым ртом.

– Всё хернёй маешься, Желтовой? С малолетками воюешь, а к нам на рынок завтра комиссия из области едет, – рявкнул вместо приветствия шарообразный, обращаясь к капитану. Его низкий рост удивительным образом диссонировал с густым басом.

– Кто такие, чего здесь? – прорычал он, без всякой паузы развернувшись к ребятам.

– Мы, дяденька, с друзьями показывали приёмы друг другу, по фильму вчерашнему, ну и дурачились. А тут товарищ капитан налетел и дубинкой, – для придания драматизма Саша потрогал шишку на шее и уже непритворно скривился от боли и охнул.

Капитан открыл рот, видимо, намереваясь сказать что-то в свою защиту, но шарообразный его опередил.

– Да, Желтовой, совсем ты охренел от безделья. Быстро разгони своих бабок, чернож... м скажи, чтобы хари свои попрятали, сейчас исполком с санстанцией приметутся, у них тоже очко играет. И предупреди, чтобы три дня на рынок ни бабки, ни чернозадые и носа не совали. А вы, засранцы, быстро вон отсюда! – заорал он, обернувшись к ребятам.

– А ты правильный пацан, – сказал тот мальчишка, которого Саша ударил первым, подойдя к нему на улице – Я Катан, это Киря, – указал он на мальчишку, которого Саша якобы толкнул, – а это Лося. А ты?

– Я Саша, – во рту было сухо, поэтому голос был хриплым, сильно болела голова.

– Мент тебе хорошо въехал, – сочувственно произнёс Киря. – Идём пивка попьём, ты нас не сдал и с нас причитается.

– Пива не хочу. Попил бы минералки и что-нибудь съел бы, – почти прохрипел Саша.

– Нет базару, братан. А у тебя чё, проблемы?

Дальнейшие вопросы Кири остановил Лося.

– Ты что, не видишь, пацану хреново. Пошли в тошниловку.

Народу в рыночном кафе было немного. Еда была без изысков, но приготовлена добросовестно. Не спавшему более суток, утолившему голод и жажду Саше, захотелось прилечь, но он вспомнил, что теперь он гражданин без определённого места жительства.

– Братан, а живёшь где? – словно подслушав его мысли, спросил, закуривая Катан, и протянул пачку с сигаретами Саше.

– Пока нигде. Я не курю, но всё равно спасибо. – Куда идти дальше Саша не знал, и, помявшись, сказал: – Ну, я, пожалуй, пойду.

– Постой, братан, – Киря осторожно придержал его за плечо, – у тебя видно крутые проблемы. Бабок нет, нигде не живёшь. По прикиду ты не наш, но пацан правильный и метелишься классно. Пошли с нами. Спать есть где, жрать есть что, а захочешь, и к делу пристроим.

Голова раскальвалась, идти было некуда и Саша, стараясь не думать о том, что его ждет, сдержанно кивнул.

От сильной головной боли дорогу он запомнил плохо. Они ехали троллейбусом, а потом пришли в один из заброшенных цехов бывшего завода крупнопанельного домостроения, в просторечии именуемом КПД. Напротив, метрах в двухстах от «дома», грозным исполином высилась шлаковая гора.

Саша не помнил, кто подвел его к довольно аккуратно укрытому чистыми на вид тряпками, сбитому из досок лежаку, и сказал ему:

– Ты, братан, поспи, а то белый весь какой-то.

Снились отец, мать, сволочь из исполкомовской комиссии по делам несовершеннолетних, которая оставила его без квартиры. Когда он проснулся, солнце ещё пробивалось сквозь щели в забитых досками больших цеховых оконных проёмах. Саша решил не открывать глаза и осмотреться вокруг сквозь наполовину прикрытые веки.

Катан, Лося, Киря и еще несколько незнакомых пацанов сидели за большим самодельным столом недалеко от Саши. Шла игра в карты и, судя по репликам игроков и наблюдателей, на деньги. В углу помещения, у не забитого досками окна три бомжеватого вида девчонки, не лишённые, однако, привлекательности, ловко чистили картошку.

Боль в голове прошла, но очень хотелось пить. Саша встал и, не давая никому раскрыть рта, спросил, где можно попить.

– Там в углу попей, на улице можешь поссать, а потом приходи, расскажешь людям кто ты такой, – внимательно глядя на Сашу, произнес здоровый парень, явно года на два-три старше всех остальных.

Неторопливо напившись, Саша вернулся и прислонился к стенке.

– А ты знаешь, новенький, что мы без проставы не принимаем? – снова начал цепляться к Саше здоровяк.

– Если я мешаю, я могу уйти, – неторопливо ответил Саша.

– Не гони, Шкаф, – вмешался Катан, – пацан правильный и вступительные на рынке сдал. Я за него подписываюсь.

– И я, и я! – почти одновременно выкрикнули Киря и Лося.

– Ну, если есть железная подписка, – Шкаф хитро и довольно расплылся в улыбке, – тогда выкатывают те, кто подписывался.

Катан молча вынул из кармана деньги и, отделив десятку, протянул её Лосе. То же сделал и Киря. Лося, подхватив стоявшую у стенки, выдавшую виды сумку, мгновенно исчез. Девчонки, продолжая чистить картошку, заинтересованно косились на ребят в ожидании того, что произойдет дальше.

– Игрок ушёл, круг неполный, садись, новенький. В «секу» шурупишь? – Не дожидаясь ответа, Шкаф продолжил. – Значит смотри...

Правила оказались несложными, а сама игра поначалу показалась Саше примитивной. Проблему стартового капитала решили Катан и Киря, положив перед Сашей по пятёрке. Игра во многом основывалась на везении, или как говорили сами ребята – «прухе», но, как быстро выяснил Саша, огромная роль принадлежала умению блефовать. За те полчаса, которые отсутствовал Лося, Саша выиграл более пятидесяти гривен.

Лося пришёл, когда девчонки на костре, разведенном у входа в бывший цех, ловко и споро стали жарить мясо, нанизанное на длинные самодельные шампура из проволоки «шестёрки». Когда мясо изжарилось, игру свернули. Киря, Катан и Лося наотрез отказались от денег, которые хотел им вернуть Саша. Из тёмного угла бывшего цеха были извлечены грубо сколоченные столы с короткими ножками. На их место задвинули большой «игровой» стол.

Так как стало уже довольно темно, на столы установили керосиновые лампы. Вокруг столов установили деревянные чурбаки, игравшие роль стульев. Увлёкшись игрой, Саша не обратил внимания на то, что в бывшем цеху собралось уже более тридцати мальчишек разного возраста. Компания живо расселась за столами, причём было видно, что у каждого есть своё место.

Сашу усадили между собой Катан и Киря. Девчонки живо расставили на столе гранёные стаканы. Лося водрузил на стол три трёхлитровых банки с самогоном. Роль тарелок исполняли вырванные из какого-то журнала листы. В трёх больших кастрюлях исходила паром вареная картошка. Хлеб каждый отрезал себе сам. Очищенные лук и чеснок, разложили посередине

столов, тоже на журнальных листах. Строго поровну было распределено мясо. Всем налили по трети стакана самогона.

– Ну, новенький, давай с теми, кто за тебя подписался, – сказал Шкаф, поднимая свой стакан.

– Я не пью, – ответил Саша и потянулся к столу отрезать себе хлеба. Руку его перехватил Катан, и, умоляя взглядом шепнул: – Можешь отказаться от второй, третьей, но первая – это уважение к людям.

«Почти половина стакана», – с ужасом подумал Саша. Словно защищая и отвлекая его от неизбежной необходимости выпить, всплыла мысль о том, что никто, в том числе и он, садясь за стол, не помыл руки. Не торопясь и не морщась, он тремя глотками выпил самогон и осторожно взял из рук Катана хлеб. Ощущение было непередаваемым – подобной мерзости пробовать ему ещё не приходилось. Если не считать лёгкого венгерского вина и шампанского, спиртное он вообще пробовал впервые.

Застолье пошло своим чередом. Ему предлагали вторую, третью, потом, после отказов, перестали. Саша старательно ел, помня наставление отца: «Если уж пришлось выпить – хорошо закуси!». Его охватило удивительное ощущение легкости восприятия окружающего. Уже не корбила совершенно непривычная обстановка, окружающее убожество и то, что мальчишки и девчонки курили прямо за столом, плевали на пол и туда же отправляли окурки. Без особого удивления он отметил для себя, что самые младшие пили наравне со всеми.

Компания заметно опьянела. Речь стала сбивчивой, громкой, то и дело раздавался беспричинный смех. Говорили в основном о сборе металлолома и какого-то скрапа. Сашу стало клонить в сон. Он, дёрнув незаметно под столом Кирию за руку, попросил его показать, где можно лечь спать. Удобно расположившись на том же самодельном лежаке, на котором он спал днём, Саша мгновенно уснул.

Глава 2

Утром, к удивлению Саши, все проснулись рано и дружно, правда, многие, прежде чем умываться, выпили по бутылке пива. Девчонки быстро приготовили яичницу, предварительно убрав со столов остатки вчерашнего пиршества. Эти остатки выбросили прямо из не забитого досками окна.

После завтрака все вооружились ломом, кувалдами, лопатами. Саше выделили лом, рукавицы и заставили переодеться в какие-то обноски. Из соседнего помещения выкатили тачки, и вся компания отправилась к шлаковой горе.

Гора фактически была гигантским мусорником, состоявшим из десятилетиями сваливаемых в одно определённое место всех отходов производства местного металлургического комбината, территория которого начиналась сразу за шлаковой горой.

Если так допустимо выражаться с точки зрения геометрии, то гора напоминала усечённый конус, основанием которого был сильно вытянутый эллипс, занимала огромную площадь и местами высотой превосходила девятиэтажный дом.

Основным компонентом был доменный и мартеновский шлак, но сюда же сваливали строительный мусор, выработавший свой ресурс огнеупорный кирпич, бывший в употреблении шлакоблок. Удачливые старатели находили «жилы» ферромарганца и других легирующих добавок. Много было труб, тросов, отслуживших свой срок деталей различных машин и механизмов из «чёрной» стали, нержавеющей, чугуна, алюминия, меди, титана.

Особенно везучие могли найти выброшенный ещё в советские времена огромный электродвигатель, у которого только обмотка из медной проволоки «тянула» на четыреста килограммов.

Словом, гора представляла собой эдакий Клондайк полезных, в самом прямом смысле этого слова – ископаемых, так как добыть их можно было исключительно методом раскопок. За металлолом многочисленные приёмные пункты, расположившиеся вокруг горы, платили неплохие деньги для времени, когда промышленные предприятия или перестали работать вообще, или еле-еле сводили концы с концами. На горе кормились добычей металла не только горожане, многие приезжали заработать на кусок хлеба даже из других областей.

Как понял Саша, он очутился в команде беспризорников, которых свела вместе необходимость и возможность заработать на пропитание и одежду. Артельный метод работы позволял им пусть даже и очень примитивно, но организовать свой быт.

По пути Саше рассказали, что скрап – это спёкшиеся шлак и чугун, или шлак и сталь, с преобладанием металла; литьё – бесформенный чугун или сталь без примеси шлака, а на месте проиллюстрировали образцами.

Двоих ребят отправили в расположенный рядом с горой посёлок за питьевой водой, распределители обязанности между остальными и все быстро рассыпались по горе. Одни карабкались всё выше и выше, сбрасывая вниз найденный металлолом, другие с середины горы катили его дальше к подножью, те, кто был внизу, сносили и сортировали всё собранное по кучам.

Сашу, как новичка, поставили внизу. Он то и дело путал скрап с литьём, но никто не укорял его, только поправляли и снова объясняли, чем они отличаются друг от друга. И он вскоре освоился.

Очень хотелось пить – жаркое весеннее солнце уже начало зло припекать оголённые по пояс мальчишечьи тела. Но как только Саша взялся за бутылку с водой, Лося перехватил его руку и сказал:

– Начнёшь пить, не остановишься. Просто прополощи рот и выплюнь.

Когда в кучах стального лома, чугунного скрапа и литья набралось достаточное количество, двое из ребят сносивших металлолом подкатали к кучам тачки и все, кто был внизу, принялись за погрузку.

– Теперь начнётся самое сложное, – сказал Кирия.

И, в самом деле, процедура доставки оказалась гораздо сложнее процесса сбора. Каждую из тачек катили четыре человека. Серьёзным препятствием был ручей, пересекавший путь к приёмному пункту таким образом, что обойти его никак было нельзя. Сам по себе, он был неглубоким, но во время сильных дождей и таяния снега вода сделала себе русло глубиной в полтора метра и шириной около двух метров. Поэтому тачки, подкатив к берегу ручья, приходилось, сначала разгружать и перебрасывать металлолом на другой берег, а тяжёлые куски переносить вручную. Затем переправлялись на противоположный берег тачки. Потом тачки грузили снова и только после этого продолжали путь

.Местность была пересечённой и для того, чтобы катить тачки, требовалось прилагать значительные усилия. Потом пошла относительно ровная грунтовка, но катить тачки всё равно было нелегко. Даже когда добрались до асфальтовой дороги, легче стало ненамного.

– Теперь главное, чтобы не накрыли менты, – сказал Лося.

– А что, разве мы воруем? – спросил Саша.

– Нет, – прохрипел Лося, тяжело выдыхая, – но они доят всех, кого поймают.

– Как это доят? – удивился Саша.

– А вот так! Проедут мимо нас, и будут ждать на приёмном пункте, потом половину бабок заберут, – зло сказал Лося.

– А если не отдавать? – продолжал допытываться Саша.

– Не отдашь – настучат по голове, отберут тачки или отвезут и сдадут в инспекцию по делам несовершеннолетних, а те быстренько оформят в приют или в детдом. А там хуже, чем в тюрьме или колонии, – Лося даже передёрнуло от отвращения.

Когда добрались до приёмного пункта, Саша в уме прикинул, что от горы до пункта сдачи металлолома было около трёх километров и из них чуть меньше половины пути по асфальтовой дороге.

На пункте была длинная очередь и, хотя двигалась она довольно быстро, ждать пришлось минут двадцать пять.

Пока ждали своей очереди, Саша обратил внимание на нагло развалившегося в старом кресле, стоявшем в тени дерева, стриженного налысо детину в спортивном костюме, к которому подходили те, кто уже сдал лом, и отсчитывали часть полученных денег.

Когда подошла их очередь, часть содержимого тачки переложили на весы, взвесили, перенесли на кучу. Потом, то же самое проделали с оставшимся ломом и принялись за вторую тачку.

Во время взвешивания Лося то и дело обращался к приёмщику:

– Дядя Вася, здесь же на двадцать кило больше!

– Глохни, мудила, а то у вас вообще брать не буду или ментов на вас натравлю, – орал приёмщик, – плохо выбритый тщедушный мужичёк неопределённого возраста, которого явно мучил похмельный синдром.

– Ну, сегодня по-божески, – облегчённо вздохнул Лося получив деньги, – всего килограмм на тридцать обмахал, – и отправился к стриженному налысо, сидевшему в тенёчке. Часть денег перекочевала к «лысому».

– Обвесил приёмщик, отдали «лысому», – допытывался на обратном пути Саша у Лося. – Сколько же они за день имеют, а мы теряем?

– Да чё там, чужие бабки считать? – удивился молчавший до этого высокий тощий парнишка по кличке Соха.

– Ничего себе чужие! – возмущённо выкрикнул Саша. – Работаем-то мы. – Возмущение было неподдельным и искренним, но все вокруг почему-то снисходительно рассмеялись.

– А если пожаловаться? – не унимался Саша.

– Кому, дурак? – тонким голосом почти пропищал парень по кличке Штопор. – Все с этого имеют. А будешь прыгать – убьют и на горе кирпичом завалят.

У горы уже снова набрались кучи, но сдавать поехали другие. Саша с ребятами полез вверх. Ноги глубоко погружались в шлак, и только теперь Саша понял, почему его заставили переодеться в обноски – при малейшем дуновении ветра вокруг поднималась настоящая пыльная вьюга, настолько сильная, что приходилось зажмуривать глаза.

Выскивать лом оказалось несложно, но приходилось всё время быть начеку: сверху то и дело съезжали кирпичи и шлакоблоки, можно было запросто оступиться и покатиться вниз, по пути спровоцировав лавину кирпичей, или напороться на торчащие из шлака трубы или тросы.

Сразу после одиннадцати часов девчонки, которые внизу сортировали добычу наравне со всеми, стали готовить обед: тут же в ручье, в котором текла маслянистая, с «техническим» запахом вода, вымыли очищенную картошку. Быстро собрали дрова, разложили между уложенных шлакоблоков костры, растопили сало и на нескольких сковородках поджарили картошку. Сверху на картошку побросали мелко нарезанную колбасу и попарили под крышкой. И только после этого Шкаф скомандовал:

– Хорош! Давай жрать, уркаганы.

Руки пришлось мыть в ручье. При этом Саша думал, в какой ужас пришла бы чистюля мать, увидев такую картину. Обед оказался на удивление вкусным, причём всяческие нарушения санитарных норм приготовления и принятия пищи на Сашин аппетит никак не повлияли.

Отдыха после обеда, если не считать таковым короткий перекур, не полагалось. Все снова принялись за работу, которая продолжалась почти до захода солнца.

После окончания работы, раздевшись догола, искупались в ручье девчонки и поспешили готовить ужин. Саша с удивлением отметил, что при купании, которое проходило фактически на виду у мальчишек, девчонки не проявили ни тени смущения, а мальчишки безо всякого стеснения их разглядывали и громко делали комментарии типа: «А Светке сиськи надо разминать почаще, пока они у неё как прыщи».

Как ни тёрся Саша хозяйственным мылом, на лице он ещё долго ощущал стягивающую кожу пыльную маску, а волосы, высохнув, сохранили форму, приданную при расчёсывании, не хуже укладки в парикмахерской.

Саша вспомнил, что где-то читал о том, что шлак является одним из компонентов при производстве цемента, и ещё раз похвалил себя за то, что не стал сильно сопротивляться, когда ему предложили переодеться в обноски. В своё обиталище пошли в трусах, неся одежду и инструменты в руках или свалив в тачки.

После ужина Шкаф пересчитал деньги и поровну разделил между всеми – каждому досталось по сорок три гривны. По семь тут же собрали девчонки на хозяйство. После этого одни сели за карты, другие, разбившись на группки, о чём-то беседовали. Саша повалился на свою «постель» и мгновенно уснул.

Глава 3

Пробуждение было мучительным. Сквозь сон Саша слышал звуки, сопутствующие пробуждению ребячьей коммуны, но сознание упорно не желало выходить из состояния сна. Потом пришло ощущение боли во всех мышцах и нежелание совершать какие-либо движения.

– С непривычки всегда тяжело, но, как начнёшь опять работать, полегчает, а где-то через недельку втянешься, – услышал над собой, голос Катана Саша.

Превозмогая боль, он медленно оделся и поплёлся умыться. Холодная вода принесла заметное облегчение и, начав работать, Саша убедился в правоте Катана, – боль отступила, дрожь в руках и ногах прошла.

А через неделю он действительно втянулся. И так не вялые мышцы, ещё более налились и окрепли. Теперь его не удивлял аппетит ребят, да и сам он ел с таким же аппетитом. Кожа на руках стала твёрдой и шершавой, волосы выгорели на солнце, а тело до пояса покрывал такой загар, что Саша вполне мог бы сойти за араба-кочевника, если бы не русые волосы. Только едва видимые веснушки напоминали ему себя прежнего, когда он смотрелся в зеркало.

Работа на горе была явно не детским занятием, отнимала много физических сил, но позволяла думать и размышлять.

Сашина жизнь, с потерей родителей, изменилась самым неожиданным образом и далеко не в лучшую сторону. Анализируя своё нынешнее положение, Саша ужасался: вопиющая антисанитария, вши, отсутствие элементарных удобств, всяческое унижение и притеснение со стороны тех, у кого есть хотя бы мизерный кусочек власти, никакой надежды на положенные каждому гражданину медицинскую помощь и образование. И, самое главное, он был вынужден жить среди людей, которых иначе как скотами назвать было нельзя.

В этот момент его размышлений память воспроизводила сцену, когда, разговаривая с ним один из ребят, снял носок и, не обращая внимания на ужасную вонь, стал чесать указательным пальцем руки место между мизинцем и смежным пальцем ноги, а потом, даже и не подумав помыть руки сел за стол и стал есть. Саше становилось дурно, он сразу гнал из мыслей эту картину, переключаясь на то, как ребята общаются между собой.

В строгом смысле этих слов, языком или речью процесс их общения назвать было никак нельзя. Это был какой-то коммуникативный процесс с использованием преимущественно слов или словосочетаний-паразитов и матов.

Существовал некий ограниченный набор слов подобный лексикону Элочки Щукиной. Предложения, как правило, начинались со слова «короче», изобиловали всякими «как бы», «типа», «гонишь», братан», «отвечаю». В принципе и его некоторые бывшие одноклассники грешили тем же, но они, по крайней мере, не так часто употребляли мат. Здесь же Саша за неполный месяц пребывания в команде услышал значительно больше матов, чем за всю предыдущую жизнь. Собственно говоря, если бы из любой фразы, которыми ребята обменивались между собой, убрать слова-паразиты и мат, оставалось бы два-три слова, имеющих смысл.

Особенно поражала Сашу их манера решать спорные вопросы. Вместо того, чтобы приводить доказательства или опровержения, следовали просто утверждения и отрицания, сопровождаемые выпадами по поводу каких-либо недостатков внешности, в отношении национальности или родителей оппонента, которых многие и в глаза не видели. Споры очень часто оканчивались драками.

Здорово досаждало Саше пьянство ребят и курение «травы» – марихуаны. В его предыдущей жизни он нередко видел выпивающих взрослых из окружения отца, но их опьянение никогда не переходило в состояние агрессивности, независимо от количества выпитого: если кто-то был сильно пьян – он просто ложился спать. У ребят же после полутора стакана самогона обязательно появлялась какая-то агрессия, желание куда-то идти и подраться. Пьянки почти

всегда оканчивались драками. Возможно, агрессивность, в результате употребления спиртного, зависит, и существенно, от интеллектуального уровня? Наблюдать «обкуренных» ребят было ещё неприятнее, чем наблюдать пьяных. Создавалось впечатление, что у пьяных и «обкуренных» в какой-то момент полностью отключалось сознание, и тело знакомого мальчишки занимал кто-то другой – тёмный, непредсказуемый, злобно-агрессивный.

Отношение ребят друг к другу было неоднозначным. Их свела вместе необходимость выжить: работая вместе, они могли зарабатывать больше и устроить свой быт лучше, чем поодиночке. Но выжить в Сашином понимании значило получить образование, занять какое-то определённое место в жизни, заняться делом, которое ты будешь делать лучше других, и добиться, в связи с этим, уважения остальных членов общества. Далее, завести семью, иметь детей, которых в свою очередь, надо будет выучить и помочь им добиться уважения. Словом, обычная цепь бытия человека разумного. А ребята просто прожигали свою жизнь на пьянки, «траву», карты, игровые автоматы.

Память часто приводила споры Волка Ларсена и Хэмфри Ван-Вейдена из «Морского волка» о том, что такое жизнь, и теперь Саша во многом соглашался с аргументами Волка Ларсена.

Несмотря на то, что ребята были очень разными, всех их объединяло отсутствие, каких бы то ни было, жизненных ориентиров: никто из них не мечтал о будущем, не строил никаких планов. Более того, им даже в голову не приходило строить планы далее, чем на сегодняшний день. Создавалось впечатление, что они непоколебимо уверены в том, что будущего у них нет, поэтому и не стоит предпринимать попыток что-то изменить.

Своеобразным было и понятие дружбы. Обычные люди, находя много общего в характере, вкусах, увлечениях, становятся друзьями. У ребят дружбу правильнее было бы назвать ситуативными локальными объединениями в группы, а в целом каждый из них был сам по себе. Почти полное равнодушие друг к другу. Но больше всего поражала Сашу их покорность обстоятельствам: унижениям и оскорблениям со стороны взрослых, откровенному хамству и обману со стороны приёмщиков, поборам со стороны бандитов и милиции. Примитивная жизнь примитивных организмов.

«Стоп! – остановил свои мысли Саша.

«А как же тогда быть с тем фактом, что Катан, Киря и Лося, называя вещи своими именами, подобрали тебя голодного и бездомного, дали тебе возможность зарабатывать на хлеб насущный и, хотя бы *такую*, крышу над головой? Как расценивать то, что они не взяли с тебя денег, которые ссудили на игру в «секу», даже, несмотря на твой выигрыш? Как быть с их, пусть внешне и грубоватой, заботой друг о друге, когда кому-нибудь из них действительно очень плохо. Прав был папа, когда говорил: «Никогда не оценивай людей по первым своим впечатлениям о них. Они далеко не всегда такие, как кажутся. В каждом из нас есть свой доктор Джекил и мистер Хайд – всё дело в том, кто из них преобладает в каждой конкретной личности».

Саша вспомнил вычитанную где-то фразу о том, что сложный организм, попав в простую среду, должен или упроститься, или погибнуть.

«Ну, уж нет! – подумал Саша. – Кто бы из великих ни был автором этой фразы, он не учёл того, что сложный организм может попытаться сам изменить среду и тогда всё будет зависеть только от него самого».

«Основа всяких изменений к лучшему, – рассуждал он про себя дальше, подсовывая лом под скрап, – улучшение материального положения. Возможно это в данном конкретном случае только путём повышения производительности труда, а повысить её можно только, снизив до минимума непроизводительные потери времени. Как это там было у гражданина Маркса: «К экономии времени сводится, в конечном счёте, вся экономия». Плюс к этому английское «время – деньги».

Саша вспомнил, как попытался спорить с отцом по поводу того, что эта пословица американская. Папа тогда объяснил, что американцам эта фраза досталась от англичан, которые позаимствовали её у византийцев. А потом папа задал вопрос: «Если в Европе живут европейцы, в Азии – азиаты, в Африке – африканцы, то кто живёт в любой из стран Южной и Северной Америки?» Саша понял, к чему клонит папа, и возразил, что так, мол, жителей США называют все. Ответ папы он, наверное, не забудет никогда: «Сынок ты не для того прочитал тысячи книг, не для того я заставлял тебя изучать психологию, логику, философию, этику и прочее, чтобы ты был, как все. Я сделаю всё, чтобы ты вырос не обычным человеком, а аналитиком в самом широком смысле этого слова. А аналитик – это тот, кто видит то, чего не видят другие». Что имел в виду папа, Саша пока понимал не до конца, но он не помнил ни одного случая, чтобы папа был неправ.

К горлу подкатил комок, глаза увлажнились: Саша никак не мог привыкнуть к мысли, что родителей уже нет. Усилием воли он отогнал грустные воспоминания и вернулся к своим рассуждениям.

«Прежде всего, – решил он, – нужно найти подходящий отрезок трубы большого диаметра и сделать насыпь через ручей, тогда станут ненужными все эти разгрузки-погрузки. Затем, нужно колёса тачек „обуть“ в резину и поставить на тачки рессоры или сделать что-то типа повозки. Далее следует внимательно осмотреть весь путь до приёмного пункта, срыть все неровности и засыпать ямки».

Окапываемый кусок скрапа оказался более чем солидным. Пришлось звать подмогу, чтобы стронуть его ломami. Дружными усилиями ребята опрокинули этот кусок, и он покати́лся вниз по склону.

«Нужен домкрат, и не один, – тут же сделал вывод Саша. – Ещё понадобятся ручная таль и прочные канаты: тросы, которые в изобилии валяются по горе, подойдут не во всех случаях».

Опять вспомнился отец: «Если ты в сам для себя решаешь какую-нибудь проблему, сознательно раздели себя на две самостоятельные личности и спорь сам с собой. Учитывай только аргументы, игнорируй эмоции – тогда решение вопроса придет быстрее и оно будет наиболее правильным».

«Хорошо, сэр, – обратился ко второму своему «я» Саша, – всё это касается облегчения процесса добычи и транспортировки металла, а вот как существенно её увеличить? Можно начать собирать куски тросов. То, что их пока никто не принимает – глупость. Да и, скорее всего, никто из добытчиков просто не выяснял этот вопрос в приёмных пунктах, которые расположены значительно дальше от горы, чем те, в которые лом сдаётся сейчас. Да и, в конце концов, на металлургическом комбинате есть копровый цех, где тоже принимают металлолом, нужно только продумать механизм сдачи-оплаты.

– Гениально! – со злой иронией подковырнуло второе «я», – Основная добыча спрятана под шлаком, то, что лежит у поверхности – это только верхушка айсберга. Как находить то, что не видно глазу? Вот в чём главный вопрос!»

Очередной кусок скрапа дался легко, и Саша пустил его вниз по склону.

– Саш, глянь-ка вон туда, – крикнул снизу Ки́ря, показывая рукой направление, – там вроде бы хорошая железяка. – Сашин «бортовой компьютер», как называл голову отец, отреагировал мгновенно, выдав звено логической цепи: железо – магнит.

«Точно! – мысленно похвалил сам себя Саша. – Обыкновенный магнит, подвешенный на верёвочке, проносимый у самой поверхности шлака и будет указывать на металл. Но, впрочем, охладил свой восторг Саша, это способ на уровне копы по сравнению с пулемётом. Нужны металлоискатели, следовательно, нужно искать сапёрную часть, или ехать в Киев», – объявление о продаже металлоискателей встречались Саше в газетах не один раз.

«Железяка», на которую указал Ки́ря, оказалась большим куском рельса и, поднимаясь к нему, Саша споткнулся о кирпич.

«А почему мы не собираем кирпичи и шлакоблок? – тут же задал сам себе вопрос Саша. – Какой бы сложной ни была жизнь, люди строят магазины, дома, склады, а это значит, что стройматериалы, которые будут дешевле новых, обязательно будут востребованы».

Глава 4

Два раза в месяц ребята устраивали себе выходной и, чаще всего, он приходился на понедельник, так как почти все пункты в этот день вывозили металлолом и приёмку не производили. Чем заниматься в выходной день каждый был волен выбирать сам. Одни ехали в город напиться водки, подраться с городскими ребятами, те, кто помладше, шли играть на игровых автоматах или в только начавшие появляться компьютерные клубы, другие не шли никуда и почти без перерыва резались в «секу».

В этот выходной многие не пошли никуда, так как небо подозрительно хмурилось тучами и в любой момент могло разразиться серьёзным майским дождём с грозой, как и положено в это время года. Большая часть ребят играла в карты и, было похоже, что они верят в то, что вероятность выигрыша увеличивается прямо пропорционально громкости их реплик и комментариев.

Вдруг в помещение влетел один из младших мальчишек, которого за внешнее сходство с иконописными образами называли Исусиком, а затем сократили прозвище до Сусика. Рубаха на нём была порвана, лицо испачкано кровью и искажено гримасой испуга. Мальчишка тяжело дышал, из глаз текли слёзы, перемешивающиеся с кровью.

– Что случилось, Сусик? – оторвавшись от карт, спросил Шкаф.

Сусика начала трясти лихорадка. Лося зачерпнул из ведра воды и, подавая Сусику, сказал:

– Пацан, ты чё, успокойся, в натуре.

К Сусику метнулась Людка, неформальный лидер среди девчонок и самая смазливая из них. Вытерев ему влажной тряпкой лицо, она громко крикнула

– Светка, принеси мне быстрее йод и вату.

После окончания необходимых медицинских процедур Сусика обступили бросившие игру картёжники и девчонки.

– Ну, теперь расскажи, что за кипиш? – опять спросил у Сусика Шкаф, ласково положив руку ему на плечо. Немного успокоившийся Сусик, с трудом выдал из себя:

– Они хотели меня трахнуть, но я убежал.

– Ну, не ты первый, не ты последний, братан, – с напускным сочувствием лениво процедил сквозь зубы Крыса, отвратительного нрава пацан, за что и получил свою кличку. Саша, читавший книгу у не забитого досками оконного проёма, вскочил, словно подброшенный пружиной и, растолкав ребят, подошёл к Сусику.

– Кто они? Где они? Сколько их?

– Н-нарки, п-пятеро, на з-западном склоне, – Сусика снова начало трясти.

– Целку хранить дело сложное, – опять, но уже без напускного сочувствия отозвался Крыса.

У других ребят, похоже, пропал интерес к событию, и они опять уселись за карточную игру. С тем, что их постоянно унижают и обижают, ребята давно уже свыклись и ужаса происходящего не ощущали.

– Кто такие нарки? – спросил Саша у Людки, которая одна осталась рядом с Сусиком.

– Ну, эти, короче, наркоманы, – глядя Сусика по голове, ответила та.

– Пошли, покажешь, – сказал Сусику Саша, взяв в руки кусок арматуры.

– Саша, ведь их пятеро и они обдолбанные! – испуганно воскликнула Людка. Наркоманов на горе побаивались, так как их поведение было непредсказуемым и их было много.

Саша остановился и, глядя на картёжников, сказал:

– Если здесь есть, как они сами себя называют, «конкретные пацаны», они пойдут со мной, ну, а если нет – пойду сам. Такого прощать нельзя, живем-то как одна семья. Пошли, Сусик.

– Во, бля, супермен, – отозвался, Крыса и тут же замолчал, получив от Светки чувствительный удар в ухо кулаком.

Катан швырнул карты на стол, поднялся, не произнеся ни слова схватил молоток и вышел вслед за Сашей. За ним потянулись и остальные...

Компания наркоманов, удобно расположившаяся на расстеленных прямо на шлаке тряпках, очевидно, находилась на пике кайфа. К тем пятерым, о которых говорил Сусик, добавились ещё двое. Увидев подхаживших Сашу и Сусика, один из наркоманов воскликнул:

– Наша девочка вернулась и вторую ж. пу привела.

Другой наркоман призывно протянул руки к подходящему Саше:

– Иди ко мне моя крош..., – Окончить свой призыв он не успел – Саша с размаху ударил его арматурой по голове. Сделав это, Саша тут же прыгнул к ближайшему из других наркоманов, и ткнул его арматурой в солнечное сплетение.

– Кто-то конкретно или все вместе? – отпрыгнув назад, отрывисто спросил Саша Сусика.

– Т-те, которых т-ты в-вырубил, и в-вот этот, – дрожь Сусика так и не отпустила. Рука, которой он указал Саше на третьего своего обидчика, сильно тряслась.

Саша прыгнул к оставшемуся неповреждённым обидчику Сусика и тоже ударил его по голове арматурой. Подоспели остальные ребята.

– Полегче, Сашок, ты же их уроешь, – испуганно предостерег Шкаф.

Зажигай костёр, – вместо ответа бросил Саша.

До остальных наркоманов даже сквозь кайфовый туман начал доходить смысл происходящего. Да и трудно было не испугаться – двое из их товарищей лежали с залитыми кровью головами, а третий ловил ртом воздух, как вытасченная из воды рыба, и плотным кольцом вокруг стояли ребята с ломиками, молотками и кусками арматуры.

– Вы чё, пацаны..., – что он хотел выяснить, осталось неизвестным, так как Саша ударил его носком кроссовки по кадыку.

– Если кто-то ещё пискнет, проломлю голову, – сказал Саша и направился к костру. Там, присев на корточки, он стал нагревать на пламени конец арматурного прута. – Снимите с них штаны, – бросил он, обернувшись к ребятам.

– Саш, ты что хочешь делать? – испуганно спросил Соха.

Саша подошёл к одному из обидчиков Сусика и, перевернув его лицом вниз, ткнул нагретым концом арматуры туда, куда непосредственно выходила прямая кишка. Тот был без сознания и не издал ни звука.

Прервавшись на нагрев арматурного прута, ту же процедуру он проделал и со вторым обидчиком, также лежавшим в бесчувственном состоянии. Когда он повернулся к наркоману, получившему удар в солнечное сплетение, тот рухнул на колени и завыл. Без всякого сожаления Саша толкнул его ногой в плечо и энергичными пинками придал его телу нужное положение. Затем он проделал процедуру этого своеобразного клеймления прямо через штаны, отчего к запаху горелого мяса, который распространился вокруг, добавилась вонь горелой синтетики. Наркоман вскочил на ноги, споткнулся и снова упал, тональность его воя изменилась, громкость значительно усилилась.

Саша внимательно посмотрел на остальных наркоманов, у которых наркотическое опьянение, словно ветром сдуло. Один из них икал от страха, у двоих стали мокрыми штаны, а тот, которого Саша ударил в кадык, громко блевал.

– Вот так, подонки, будет с любым, кто обидит кого-нибудь из наших. И передайте всем своим наркошам и пьяницам, чтобы на горе их больше не было. Увижу – убью! Пошли, конкретные пацаны, – сказал Саша, обращаясь уже к своим.

Глава 5

На следующий день сдавать первую добытую партию металлолома выпало Саше, Кире и ещё шестерым ребятам. Завидев их, приёмщик грозно рявкнул на стоящих в очереди:

– А ну посторонись, алкашня! Пусть пацаны сдадут без очереди. – И ненатуральным елейным тоном добавил, – Они же дети и работают, чтобы прокормиться. Без папок-мамок растут...

Киря прирос к земле от удивления, и его пришлось сильно толкнуть, чтобы он пришёл в себя. Ещё более удивились ребята, когда приёмщик стал помогать накладывать металлолом на весы. А уж после того, как он абсолютно точно взвесил ребячью добычу и рассчитался без обмана, у Кири отвисла челюсть, и деньги он брал сильно дрожащей рукой.

По привычке Киря направился к «лысому» под деревом, но тот ещё издали замахал руками, показывая, что деньги не возьмёт. Иметь дело, с пусть и юной, но способной действовать не только жёстко, а и очень жестоко, многочисленной группировкой, было хлопотно и совершенно не стоило тех денег, которые бандиты раньше получали от ребят.

– Вот это кино! – воскликнул на обратном пути Киря. – Их что, всех сразу кирпичом по крыше трахнуло? – обратился он к Саше.

– Эхо вчерашнего дня, – нехотя ответил тот.

– Вот это клёво! Да за такое кино можно пожечь ж. пы всем падлам на горе. Давай, а, Саш?!

– Дурак! – Саша в сердцах сплюнул. – Еще неизвестно, чем эта история для меня закончится. Если уж знает вся гора, то может и милиция заявиться.

– Ну, братан, ты конкретно обижаешь. Мы тут без тебя с пацанами тёрли, если будут разборки, то всё делали малолетки, которым нет четырнадцати. Мы тебя не сдадим. Ты это круто вчера сказал – семья! Так что, братуха, без кислоты. – Киря почти просительно посмотрел на Сашу.

– А вообще, если без лишнего базара, – продолжил Киря, не дождавшись ответа от Саши, – конкретно я ещё вчера утром считал себя одним-одинёшеньким на свете. Песню слышал – «Сирота казанская»? А потом у меня появился брат, и семья... Нет – много братьев и сёстры... И один главный брат..., – Киря запутался и махнул рукой. Глаза его подозрительно блеснули. – Ну, короче, братан, ты меня понял.

Разборка с наркоманами осталась без каких-либо последствий: то ли милицейские осведомители, испугавшись, предпочли держать язык за зубами, то ли в милиции сочли инцидент несущественным и даже полезным – меньше наркоманов, значит, больше порядка. Однако, перемену в отношении к себе ребята ощутили со стороны всех, кто работал на горе. Никто уже не смел выгнать ребят, если они заняли какой-то участок. Приёмщики всех пунктов всячески демонстрировали лояльное отношение к ребятам, а уж о том, чтобы обвесить и недоплатить, не было и речи. Многие взрослые стали здороваться с ребятами, а бригадиры стихийно сформировавшихся бригад со Шкафом и Сашей здоровались рукопожатием.

Саша с огромным сожалением отметил для себя то обстоятельство, что для того, чтобы тебя в этом мире уважали, надо не бояться условностей и уметь переступать через них. С другой стороны, он наказал зло метолами зла, поэтому виноватым быть не мог.

Вечером после ужина к Саше подошел Шкаф и сказал:

– Ты, братуха, прости, если что когда было не так.

– Вы меня случайно не выгонять собрались? – в шутку спросил Саша.

Шкаф от обиды даже не нашёлся, что ответить, а только растерянно открыл рот и развёл руки в стороны, но за него ответила Людка.

– Они, Саш, после вчерашней разборки с наркоманами обалдели. Ты нам всем как бы глаза открыл. Ещё до вчерашнего дня все мы, как ни крути, были просто сбродом, который вместе свела необходимость прокормиться и зарабатывать бабки. Хоть и работали вместе, а были как звери – каждый сам за себя. Сусик не первый, кого нарки хотели трахнуть, есть и такие, которых трахнули, но они молчат, стесняются признаться. А вчера, когда ты сам не побоялся пойти на пятерых обдолбанных нарков, потому что обидели одного из наших... Из нас, которых ты знаешь чуть больше месяца... Тебя же могли убить... А когда ты про семью сказал.., – Людка не стесняясь, заплакала.

– Мы все пыжимся, вслух говорим, что никто нам не нужен... А по ночам каждому снятся нормальные мама и папа, братья, сёстры. Семья, короче. И ты этим... ну, нам вчера показал, где наша семья. – Горло у Людки перехватило от волнения, а по лицу в два ручья текли слёзы. Она подскочила к Саше и, чмокнув его в губы, убежала в девчоночью половину.

– Ну, короче, братуха.., – обрёл, наконец, голос Шкаф, но Саша не дал ему окончить фразу.

– Отец всегда учил меня бояться эмоций, так как они выводят человека из равновесия. Поэтому рассыпаться в благодарностях я не буду. Скажу так, если раньше кто-то обращался ко мне со словом «братуха», я отвечал, что я в семье один и братьев у меня нет. Можете представить себе, как ваши эти блатные «братан, братуха» резали мне слух?! Но теперь, если кто-то из вас будет обращаться ко мне со словом «брат», я буду воспринимать его не в экзовском, а в нормальном смысле.

– Это, типа, как? – озадачился Лося.

– Короче, он тоже считает нас своими братьями, баран, – внёс ясность Катан.

– Ну что, в любви друг другу признались, а теперь у меня к вам ко всем есть разговор, – сказал Саша и попросил созвать всех.

Когда в «столовой» собрались все, Саша высказал свои мысли по поводу улучшений и усовершенствований, которые следует внести в процесс работы, чтобы увеличить добычу.

Возражений не было, наоборот, посыпалась множество дополнительных предложений: предлагали купить слесарный и плотницкий инструмент, чтобы всегда был под рукой, раз и навсегда распределить обязанности, чтобы утром не тратить на это время, к повозке купить ослика, которого решил продать один из жителей посёлка, расположенного рядом с горой.

Саша слушал и думал о том, что, несмотря на отсутствие образования, ребята не были глупыми и, окажись они в нормальных условиях каждый из них, безусловно, нашёл бы своё место в жизни.

«А может, следует искать это самое место в жизни самим? Никто, ведь, ни этим ребятам, ни мне не поможет, наоборот, разглядят сильные мира сего ценность горы, да и вышвырнут отсюда всех пришлых, в том числе и нас», – думал Саша, уже засыпая.

Глава 6

Приобретения и усовершенствования, внесенные в работу, значительно облегчили труд ребят. Металла стали собирать значительно больше, появилось и больше денег.

Но это породило и немалые проблемы. Многие из ребят стали больше пить, некоторые всерьёз увлеклись «травкой», в «дом» всё чаще и чаще стали приводить городских шлюх и ужин из простой процедуры приёма пищи превращался в оргию. В пьянство стал впадать и Шкаф.

Деньги развращали ребят. Чувствовалось, что над единством и благополучием ребячьей коммуны нависла угроза.

Утро выдалось солнечным, в буйно разросшихся вокруг здания бывшего цеха траве и кустах весело щебетали птицы, деловито сновали бродячие псы, собирая остатки вчерашнего пиршества.

Коммуна с трудом просыпалась после вчерашней оргии. Недовольно вопили городские девчонки-проститутки, которых, как они считали, обделили деньгами и теперь, едва позволив одеться, пинками и с матами выгоняли вон. Ребята с хмурыми лицами собирались на работу.

– Нужно нам всем поговорить, – выступив вперёд, сказал Саша.

– О чём? – хриплым голосом спросил Шкаф. – Всё, вроде, нормально.

– Я так не думаю, – возразил Саша.

– Ну, так говори, – воскликнули сразу одновременно несколько ребят.

– Давайте поговорим после работы и ужина, но сегодня никто не должен пить и уезжать в город. Гостей тоже сегодня не приводим. – Не дожидаясь ни согласия, ни возражений Саша повернулся и зашагал к горе.

Вечером, за ужином ели молча, и с интересом поглядывали на Сашу. Первым не выдержал Киря:

– Саш, ну не томи, баклань о чём хотел.

Выждав паузу, Саша, пройдясь взглядом по напряжённым лицам ребят, медленно произнёс:

– Как мы будем жить дальше? Я имею в виду не через неделю, и даже не через месяц. Я имею в виду, как каждый из нас собирается жить дальше *вообще*?

Не привыкшие задумываться над такими серьёзными вопросами, ребята молчали. Ещё раз, выдержав паузу, Саша сам начал отвечать на свой вопрос.

– Ты, Шкаф, умрёшь от алкоголизма или, ударив кого-нибудь ножом, попадёшь в тюрьму. Ты, Киря, сопьёшься и умрёшь где-нибудь зимой от холода. Ты, Красава, сгниёшь от сифилиса. Ты, Соха, обкурившись, полезешь в драку, и тебя подрежут. Вам, девчонки, прямая дорога на панель, после того, как распадётся наша команда. Если мы будем продолжать так, как сейчас, – умрём все.

– Ты чё, козёл, отходняки нам всем поёшь? – визгливо закричал Крыса. – Во, бля, уже командовать начал. Всё у нас просто класс! Вместо Шкафа в командиры лезешь, падлю!

– Я очень хотел бы, чтобы вы поняли меня правильно, – спокойно продолжил Саша, даже не глянув на Крысу. – Мы с вами отличаемся от тех, что растут в семьях в основном тем, что у них есть будущее, а у нас, его просто нет. Те, кто сейчас скупает акции металлургического комбината, рано или поздно поймут, что это их гора, это их металл мы собираем здесь, и вышвырнут нас отсюда. Куда мы пойдём?

– Каждый мочит, кто, как хочет, – нарушил наступившую тишину Крыса. – Не тебе, козёл, нас в пионеры агитировать. Примазался к нам, профессора из себя корчит, умник ёб... й. Я тебе, Шкаф, точно говорю, эта тварь вместо тебя в командиры пролезть хочет.

Саша про себя задумался над тем, чем он мог заслужить такую ненависть Крысы и не находил ответа. Потом его озарило – Крыса совершенно явно, как говорили ребята, «сушился» по Людке, а та в последнее время дистанцировала от себя даже Шкафа, с которым у них раньше был краткосрочный роман, и всячески выказывала своё расположение Саше.

Саша молчал, понимая, что со стороны ситуация для неискущённых в мыслительных операциях ребят, может показаться именно такой, как обрисовал её Крыса и всё зависит от ответа Шкафа. Но Шкаф молчал. Молчали и все остальные: несмотря на довольно демократические отношения в команде, среди ребят срабатывала извечная славянская привычка высказывать своё мнение только после того, как его высказал самый старший.

Первым это испытание молчанием не выдержал Кирия. Он подошёл к Крысе и коротко, почти без замаха, ударил его кулаком в подбородок. Упав, Крыса тут же вскочил, но получил от Кири ещё один удар кулаком прямо в нос. Зажав окровавленное лицо ладонями, он, как заяц, метнулся в помещение, где лежали инструменты. Через несколько мгновений он выскочил оттуда, сжимая в руке небольшой ломик, и истерически закричал:

– Счас, гомики, обоим дыру в крыше сделаю! – и двинулся на Кирию.

На пути между ним и Кирией стала Людка и, оперев руки на тугие девичьи бёдра, презрительно бросила Крысе в лицо:

– Ну, ты, пиз... страдалец, грохни сначала меня, а если не сможешь, я сама тебя ночью удавлю!

Не готовый к такому повороту событий, Крыса замер, не зная, что делать дальше.

Презрительно повернувшись спиной к Крысе, Людка подошла к Шкафу и, глядя ему прямо в глаза, с издёвкой произнесла:

– Что же ты молчишь, дорогой мой бывший ёб..рёк? Сашок – правильный пацан, и много сделал для нас всех. Он семью из нас сделал, только семья-то из выб..дков алкоголиков, наркоманов и эков состоит, вот они родительские гены-генчики из нас так и прут. И правильно он говорит: будем повторять своих мамаш-папаш – развалится наша семья, и подохнем все поодиночке. А то, что он не пьёт, не курит, не б..дствует, то тут Крыса прав – каждый мочит, кто как хочет.

Вскочил Сусик, который ростом был на голову ниже Крысы, вырвал у него ломик и, толкнув в грудь левой рукой, сказал:

– Ты, поганая тварь, если ты останешься среди нас я грохну тебя раньше, чем удавит Людка. – Такой героизм настолько не соответствовал обычному поведению Сусика, который никогда ещё ни на кого даже голоса не повысил, что вызвал у ребят улыбки и несколько разрядил ситуацию.

– Глохните все! – наконец подал голос Шкаф. Он поднялся, подошёл к Саше и, положив руку ему на плечо, сказал:

– Брат прав, бл..ство, что мы развели надо вязать! Ты, Крыса – крыса и есть, я с Людкой и Сусиком согласен, лучше тебе уйти. Но такие вопросы даже бугор не решает. Будет так, как скажет братва.

– Пусть валит! Канай отсюда! На хер Крысу! – одновременно завопили все. Но тут поднял руку Саша и, дождавшись молчания, сказал:

– Так получилось, что мы все одна семья. Только мы можем помочь друг другу. Крыса жил рядом с нами, ел из одного котла, когда кто-то болел, он ухаживал за больным. Помнишь, Людка, – обернулся к ней Саша, – когда ты обожглась кипятком, Крыса через полчаса принёс тебе лекарство. Мы все разные, у каждого может быть своё мнение обо мне, о Шкафе, о ком угодно. Просто мы должны учиться оперировать не категориями «нравится – не нравится», а оценивать человека по делам, по той пользе, которую он приносит семье. И не быть жестокими, если кто-то из нас в чём-то ошибается, поправить его в чём-то, подсказать. Нам надо учиться не быть дураками и решать все споры без матов и мордобоя. Решайте, как хотите,

но если уйдёт Крыса, то мне тоже лучше уйти. Это будет справедливо хотя бы с той точки зрения, что появился он среди вас с самого начала, а я пришел позже.

– Мне твой заступ похеру! – закричал Крыса, но голос его сорвался, он заплакал и вдруг начал оседать на пол. Застывшая на лице кровь отчётливо оттеняла белизну, внезапно залившую лицо Крысы. Его тело начало судорожно дёргаться, на губах появилась пена. В освещенном только мигающим светом керосиновых ламп и свечек помещении, картина выглядела жутко, и младшая ребятня испуганно отпрянула от Крысы.

– Быстро дайте кто-нибудь деревяшку! – закричал, бросаясь к Крысе Шкаф. – Моя мамка тоже была эпилептичка. Нужно между зубами деревяшку вставить, а то может зубы сломать.

С деревяшкой в зубах Крыса постепенно успокоился, его перенесли на лежак, укрыли одеялом и фуфайками.

Все без какой-либо команды вернулись на свои места и вопросительно уставились на Сашу. Он не заставил себя долго ждать и, поднявшись, начал говорить:

– Я предлагаю весной, летом и осенью сухой закон. – Остановиться его заставил громкий шёпот Чубчика, который обратился к Катану с вопросом о том, что это, мол, за закон такой?

– Сухой закон, – счёл нужным пояснить Саша, – это когда в интересах дела люди не пьют совсем. Я согласен с тем, что пока нас кормит гора, мы должны оставаться при горе. Но что мы будем делать зимой? Эти громадные цеховые помещения не протопить, даже если мы будем топить круглосуточно. При небольших морозах ещё так сяк, а если ударят настоящие морозы?

– Будем ночевать по подъездам в городе, а на горе собираться! – бодро вставил Лося, но быстро умолк под укоризненным взглядом Саши.

– Подъезды, чердаки, теплые трубы в подвалах – это как раз то, от чего мы хотим и должны с вами уйти. – Саша опять обвёл всех взглядом. – Если мы хотим жить, как нормальные люди, нам надо покупать или строить свой дом, материала на горе достаточно. Тогда никакие холода, да и не только холода, нам будут не страшны. Надо ускоренно собирать деньги и уже сейчас начинать строиться. В доме должно быть всё как у людей: у каждого своя кровать, тумбочка, в каждой комнате телевизор, видик. Обязательно в доме должна быть ванная с душем, а может быть и не одна ванная, должны быть кухня, столовая и так далее. Учитывая то, что гора не вечна, нужно будет начинать вкладывать деньги в какое-нибудь своё дело. Раз уж мы накопили какой-то опыт в сборе отходов, так кроме металлолома есть ещё пластмасса, бумага, тряпьё...

Саша осёкся, обратив внимание на мёртвую тишину, которая воцарилась за столом. Восторженное выражение лиц мальчишек и девчонок, услышавших такую программу, было подобно тому, когда в Сашиних ежевечерних рассказах главный герой в очередной раз побеждал коварных инопланетян, спасая Землю. Свой дом, видик, своё дело – всё это просто ошеломило ребят. Даже всегда невозмутимый Шкаф в восторге смотрел на Сашу, чисто по-мальчишечьи приоткрыв рот.

– Но, чтобы иметь всё это, – дав ребятам немного опомниться, продолжил Саша, – мы должны собирать деньги и не отвлекаться ни на что другое, пока не будем жить под своей собственной крышей.

Долго ещё в тот вечер говорили ребята. Всех словно прорвало и, хотя идея сухого закона многим пришлась не по душе, нарисованная Сашей перспектива жизни, которой они ещё не знали, окрылила всех. Жизнь, однако, распорядилась иначе, повернув судьбы ребят от спокойной жизни, о которой они мечтали, совсем в другую сторону.

Глава 7

Самым младшим среди ребят был восьмилетний Кедрач. Судьба забросила его на гору из российских таёжных краёв и, рассказывая о своей предыдущей жизни, он часто восклицал: «А какой там кедрач!» – за что и получил свою кличку.

Несмотря на возраст Кедрач, насколько это было возможно, работал наравне со всеми, но иногда детское желание казаться взрослее толкало его на поступки, совершить которые более взрослым ребятам не пришло бы и в голову.

На том участке горы, где работали ребята, у самой её вершины торчал кусок железнодорожного рельса, заваленного шлакоблоком таким образом, что служил точкой опоры и не давал всей этой куче скатиться вниз. Рельсы среди всего многообразия металлолома были самой желаемой находкой – при небольшом объёме их вес был весьма существенным.

Однажды, воспользовавшись тем, что рядом не было никого из более взрослых ребят, Кедрач, взобравшись на вершину горы, стал длинным отрезком трубы сталкивать шлакоблок вниз, чтобы освободить этот кусок рельса. Увлёкшись, он чересчур близко подошёл к самому краю и шлак под его ногой «поехал». Кедрач не смог остановиться и упал на кучу шлакоблока, нарушив её равновесие. Шлакоблоки вместе с Кедрачом покатались вниз и остановились немногим ниже середины горы.

Когда ребята подбежали к Кедрачу, он был без сознания, левая рука и правая нога были неестественно вывернуты, голова вся в ранах и ссадинах из которых текла кровь. Одна из девочек спустилась вниз, принесла аптечку и стала осторожно протирать раны, чтобы обработать зелёной.

– Ему нужен врач! Побегу вызову «скорую», – сказал Саша и стал спускаться вниз.

– Бесплезно, Сашок, – закричал ему вслед Катан, – мы уже пробовали, когда Чубчику разбило ногу шлакоблоком. Они начинают буровить всякую херню про то где живёт, где прописан, а потом говорят, что иногородних не обслуживают.

– Ну, это мы посмотрим, – прокричал ему в ответ, не останавливаясь, Саша. Добежав к дороге, ведущей в город, он остановил проезжавшую мимо машину.

– Ты же мне весь салон запачкаешь! – сказал водитель, разглядев Сашу вблизи. В своей рабочей одежде, не успев даже отряхнуть пыль, Саша, несомненно, внушал подобные опасения.

– За то, что запачкаю, я заплачу, – ответил Саша, доставая из кармана «лысого», как называли пятьдесят гривен ребята. – Мне срочно нужно на станцию скорой помощи.

– Случилось чего? – уже когда они ехали, спросил Сашу водитель.

– Пацана нашего на горе шлакоблоком завалило. Скорее всего, и рука, и нога поломаны, Врач нужен. – После небольшой паузы Саша, скорее для себя, чем для водителя добавил, – Только восемь лет пацану!

Водитель прибавил газу и понёсся со скоростью явно превышающей допустимые пределы.

– Ты полтинник свой спрячь, парень. И посиди спокойно минут пять, я сейчас мигом, – сказал Саше водитель, остановившись у одного из частных домов перед самым выездом-въездом из посёлка в город. Через десять минут он вышел из дому со старомодным саквояжем, таким, какими показывают в кинофильмах саквояжи дореволюционных докторов.

– Я врач, хирург, – ответил он на немой вопрос Саши.

Когда они подошли к ребятам, Кедрач уже пришёл в сознание и громко стонал. Кровь с лица смыли, раны и ссадины густо замазали зелёной, но пострадавшие конечности по-прежнему были неестественно вывернуты, трогать их ребята не решились.

– Все отошли, желательнее заняться каким-то делом, чтобы взглядами не сверлили мне спину. Останутся мне помогать ты и ты, – врач указал на Сашу и ближайшую девчонку и спросил: – Где здесь руки можно помыть?

– Только в ручье, дяденька, – ответила девчонка, оставленная помогать.

– Чтобы не было «дяденек», меня зовут Сергеем Петровичем. Пошли, сольёшь мне из канистры, – сказал он, обратившись к Саше.

Разрезав рукав рубашки и штанину, Сергей Петрович осмотрел поврежденные руку и ногу, сделал Кедрачу обезболивающий укол.

– Придётся везти в больницу, здесь я просто бессилён. Да и не военные сейчас времена, чтобы оказывать помощь в полевых условиях, – сказал Сергей Петрович и, набрав номер на мобильном телефоне, сказал в трубку: – Света, это Головин. Пришли мне «скорую» к шлаковой горе. Я буду ждать её на дороге к кладбищу в своей машине и мигну им фарами.

Через минут двадцать Сергей Петрович подъехал, сопровождаемый машиной скорой помощи. Как можно осторожнее, Кедрача донесли до подножия горы и положили на носилки. Когда носилки с Кедрачом погрузили в «скорую», Сергей Петрович жестом показал Саше садиться в машину...

– Вывих ноги вправили, рука сломана – наложили гипс, – сказал Сергей Петрович, выйдя из операционной. – Тебя зовут-то как? В спешке этой и познакомиться не успели.

– Саша.

– Как мне записать больного в журнал регистрации, Саша?

– Если можно, то никак. Мы беспризорники, бездомники и беспрописники. Любая регистрация для нас – это детдом, то есть, практически, то же самое, что и тюрьма. – Саша развёл руками.

– И вы работаете на горе, чтобы прокормиться? И этот?! – Сергей Петрович поражённо показал взглядом на операционную. После подтверждающего Сашиного кивка головой он сплюнул на пол и зло сказал: – Бля... ая страна! Ладно, как-нибудь запишем. Пошли я тебя подвезу.

– Так, а живёте вы где? – спросил Сергей Петрович у Саши уже в машине.

– В одном из цехов бывшего КПД.

– Ё. твою мать! – протяжно выругался Сергей Петрович. Он долго молчал, искоса поглядывая на Сашу, а потом сказал:

– Вы за пацана своего не переживайте. Я сделаю всё, что в моих силах. Ну, а вам я смогу чем-нибудь помочь? Я ведь не только хирург, но и заведующий хирургическим отделением горбольницы.

– Да нет, о себе мы позаботимся сами, – Саша сам удивился твёрдости, с которой прозвучали эти слова.

– Ну ладно. Бывай! Если можно я завтра к вам загляну, расскажу, как там мой пациент себя чувствует.

– Конечно можно. Огромное вам спасибо, Сергей Петрович! – сказал Саша, выходя из машины, и помахал вслед рукой, когда машина тронулась.

На следующий день после окончания работы ребята собирали дрова для костра и сваливали их на кучу неподалёку от дома. Вдруг одна из девчонок крикнула:

– Саша, там доктор твой едет!

Саша глянул на дорогу и увидел, что к бывшему цеху действительно подъезжает чёрная «двадцать четвёрка» Сергея Петровича.

Различную реакцию продемонстрировали ребята, когда из машины вместе с Сергеем Петровичем вылез очень похожий на него человек лет тридцати в милицеейской форме с погонами капитана. Одни бросились бежать в ближайшие кусты, другие от испуга просто приросли к месту, где стояли, и только Саша остался спокойным.

– Саша, объясни своим товарищам, что милиционер сейчас не на службе. Да и служит он не в инспекции по делам несовершеннолетних и не в уголовном розыске. Он следователь и по совместительству мой сын, которого зовут Юрием – сказал Сергей Петрович, здороваясь с Сашей за руку. Милиционер тоже протянул для приветствия руку. Пожимая её, Саша подумал, что Сергей Петрович выглядит моложе своих лет.

Ребята, увидевшие из кустов сцену мирного приветствия Саши с милиционером, стали выходить из своих убежищ, а оцепеневшие обрели способность двигаться.

– Ого, сколько вас, – удивился Сергей Петрович. – Ну, здравствуйте, «капитаны песка»! Передаю вам привет от вашего Кедрача и сообщаю, что пока он ни в чём не нуждается, и дня через три я разрешу вам его проведывать. – Бодрый тон Сергея Петровича сменился просительным: – Как живёте покажете?

Войдя в помещение, Сергей Петрович, не удержался и воскликнул:

– О, Боже! И это самый конец двадцатого века! В космос летать научились, а детство бездомным обеспечить...

Осмотрев всё, что можно Сергей Петрович с сыном вежливо отклонили приглашение поужинать и попросили Сашу и Шкафа проводить их до машины.

– Встретив вас, уважаемые «капитаны», я пересмотрел многие из своих взглядов на жизнь. Вы очень мужественные ребята, но это не повод жить, как свиньи. Мужественные люди, как правило, очень аккуратны. А у вас, вы уж извините, – просто хлев. – Шкаф стыдливо опустил голову, так как всегда отмахивался от Сашиних предложений, навести порядок.

– У меня недавно прошло списание старых одеял. Я направлю их на дезинфекцию, выпишу на отделение дустовое мыло, хлорку, а потом привезу всё вам. Ну, а вы наведите порядок, постройте себе отхожее место. Наведите порядок вокруг здания цеха. Истребите вшей. И старайтесь жить в чистоте. Я подумаю, чем ещё смогу вам помочь.

– Бывают же люди! – сказал задумчиво Шкаф, когда Сергей Петрович с сыном уехали. – Саш, а что это за муть про «капитанов», «песок»?

– Есть такой бразильский писатель Жоржи Амаду. Он написал роман о жизни бразильских беспризорников – «Капитаны песка». В США сняли по этой книге фильм «Генералы песчаных карьеров». Не видел?

– Да некогда мне было фильмы смотреть, Сашок, да и негде. Но песню из фильма этого слышал – классная!

Шкаф надолго задумался, а потом, махнув рукой, словно отгоняя воспоминания, сказал:

– Пошли жрать. Про нашу сволочную жизнь точно никто не напишет. А если напишет, то кому будет интересно про такое говно читать: сволочам – по барабану, а нормальным – стыдно будет, что они живут, пока другие *стараются выжить*.

– Знаешь, Шкаф, а мне кажется, было бы очень здорово, если бы кто-то о нас написал. Посмотри на тех людей, которые нам помогают, и задумайся, почему они это делают? – спросил Саша.

Получив в ответ пожатие плечами, Саша продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.